

П. Котляревский

Русская адвокатура и закон

Очерк судоустройства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Котляревский**
Русская адвокатура и закон: Очерк судоустройства / П. Котляревский – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 175 с.

ISBN 978-5-517-96814-2

ISBN 978-5-517-96814-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мы не удивляемся, когда рабочіе, наученные иностранными и мѣстными анархистами интернаціональнаго происхожденія, фармацевты и дантисты и прочія, некомпетентныя въ политическихъ вопросахъ, корпораціи требуютъ «всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ»: ихъ руководители, тоже, понимаютъ, что въ Россіи это приведетъ только къ *анархіи*. Но когда, въ бѣдной и утопающей во мракѣ невѣжества Россіи, привилегированные, просвѣщенные адвокаты, т. е. лица, призванныя охранять правовой (и законодательный) строй государства, вмѣсто юридической помощи народу, добиваются «всеобщей, прямой и т. д. подачи голосовъ», то нельзя-же не сознавать, что это безсильное покушеніе къ *устройству олиархіи* есть цѣль эгоистическаго *стремленія къ демарію и къ наживѣ* измѣнившихъ своей профессіи адвокатовъ. Избравъ ее не ради призванія, а ради привилегій, они не успѣли научиться ни матеріальному, ни государственному праву, и главное, чему они не научились въ нашихъ университетахъ: *честному будничному труду и сознанію нравственнаго долга*. Стонущій отъ безправія народъ требуетъ насущнаго хлѣба, защиты элементарныхъ гражданскихъ правъ, а пресытившіеся праздностью юристы-адвокаты преподносятъ

ему фальсифицированное шампанское въ видѣ какихъ-то непонятныхъ и чуждыхъ русскому народу политическихъ теорій, которыхъ и сами авторы ихъ не умѣютъ толково и ясно формулировать: это-ли не политическій шантажъ? это-ли не вырожденіе русской адвокатуры? Научитесь прежде, г.г. адвокаты, работать такъ, чтобъ польза вашего профессиональнаго труда правозаступниковъ оплачивала ваши гонорары. Но пока на вашей совѣсти всецѣло лежитъ отвѣтственность за разложеніе *правового строя*, пока народъ знаетъ васъ, только какъ уголовныхъ защитниковъ, не заботьтесь пересоздавать *строй юсударственный*: довлѣть дневи злоба его. Неспособные защищать правовой и законодательный строй, не выступайте противъ существующаго, освященнаго историческими традиціями Россіи государственнаго строя, который переживетъ и васъ, и вашихъ внуковъ: это—задача вамъ не по плечу и не къ лицу, это—моська, лающая на слона.

При всѣхъ недостаткахъ нашего очерка, мы, все-таки, надѣемся, что насъ не упрекнутъ въ логической необоснованности выводовъ. Мы не разсуждали о

цѣломъ, не разложивъ его на части, ни объ абстракціяхъ, не переводя ихъ на языкъ реальныхъ понятій Мы тоже пользовались и общими мѣстами, и *petitio principii*, но не такъ голословно, какъ противная сторона, стараясь не забывать, что общія положенія—источникъ ошибокъ. Насъ упрекнуть въ рѣзкости и нетолерантности—всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Насъ упрекнуть въ однообразіи нашей критики—языкъ истины однообразенъ и простъ: всегда тѣ-же идеи и всегда тѣ-же слова.

Авторъ.

Русская адвокатура и законъ.

*«Языкъ истины однообразенъ и простъ:
всегда тѣ-же идеи и всегда тѣ-же слова».*

Бентамъ.

I.

Учрежденіемъ судебныхъ установленій Императора Александра II вызвана новая политическая сила— свободная привилегированная адвокатура. Ея назначеніе, по мысли Законодателя: наиболѣе всестороннимъ разъясненіемъ дѣла содѣйствовать раскрытію истины предъ судомъ «для лучшаю, въ интересахъ правосудія, направленія въ мнѣніяхъ судей».

И такъ какъ судъ есть важнѣйшій органъ правительственной власти, вліяющей на дѣятельность всѣхъ остальныхъ, какъ стражъ законовъ, то разумѣется, что *озывать* (по этимологическому значенію слова „адвокатъ“) *о правдѣ* не только въ судѣ, но и во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, въ интересахъ своихъ довѣрителей, есть профессиональная обязанность адвоката.

Требуя отъ него знать законъ и удовлетворять формальнымъ условіямъ, обязательнымъ для занятія

государственныхъ должностей, Законодатель поставилъ адвоката свободнымъ и независимымъ посредникомъ между судомъ и гражданами, изъ которыхъ одни ищутъ правды, другіе милости,—посредникомъ *безъ власти*, но съ правомъ взывать, т. е. *съ правомъ гласности*.

Такое назначеніе адвокатуры и какъ силы, противодѣйствующей *бюрократическому абсолютизму*, оправдывается цѣлію внутренняго политическаго равновѣсія, ограничивающаго произволь бюрократіи и предупреждающаго развитіе класса мандариновъ, т. е. такого строя, который *приводитъ къ разложенію сосѣднія* государства.

Высокая задача адвокатуры—на почвѣ закона и гласности бороться съ неправдой, взяточничествомъ и самодурствомъ—подтверждается свободой и независимостью, которыми Законодатель факультативно надѣлилъ вольнопрактикующаго адвоката, воспретивъ ему занимать государственныя и общественныя должности,—не потому что адвокатъ ихъ недостойнъ, а по тому, что *зависимостью отъ властей* стѣснилась-бы свобода его убѣжденія, и что *личныя выгоды* его оправдали-бы беззаконіе, т. е. зло, противъ котораго адвокатъ *призванъ бороться*.

Отступленіе отъ принципа свободы и независимости адвоката, который не только не пользуется содержаніемъ отъ государства, но платитъ государству за право адвокатуры, (присяжные повѣренные, составляющіе менѣе половины общаго числа привилегированныхъ адвокатовъ въ Россіи, хотя и не платятъ, зато обязываются къ бесплатной, по назначенію предсѣдателей суда, защитѣ подсудимыхъ и лицъ, пользующихся правомъ бѣдности)—выражается подчине-

ніемъ присяжнаго и неприсяжнаго адвоката дисциплинарной власти суда, при которомъ онъ состоитъ, (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ) и дискреціоннымъ правомъ суда не принимать въ повѣренные лицъ, удовлетворяющихъ формальнымъ условіямъ, т. е. владѣющихъ цензомъ государственныхъ должностей, съ объясненіемъ, что причины непринятія—неформальныя условія, нравственныя качества, т. е. безъ объясненія причинъ. *Подчинивъ право адвокатуры особой санкціи суда*, Законодатель преслѣдовалъ высшую цѣль устранить изъ адвокатуры тѣ политическіе элементы, которые, какъ, напр., отрицающіе государственную власть, призывающіе къ анархіи, безусловно нежелательны для правосудія, потому что *justitia regnorum fundamentum*, и вообще устранить все то, что, удовлетворяя общимъ формальнымъ условіямъ, неудобно по высшимъ государственнымъ соображеніямъ.

Однако, власти кассационныхъ департаментовъ Сената и Министра юстиціи Законодатель предоставилъ, въ порядкѣ надзора, *регулировать произволъ судей* въ отношеніи адвокатуры, что видно, напр., изъ «учрежденія» суд. установленій и, въ частности, 406¹⁶ ст. его, общій смыслъ которой не исключаетъ логическаго вывода, что какъ *дискреціонное право* устранять недостойныхъ повѣренныхъ, одобряемыхъ судебными мѣстами, при которыхъ они состоятъ, такъ и подразумеваемое право (конфиденціально) вліять на принятіе достойныхъ, но не одобряемыхъ судебными мѣстами, *принадлежитъ министру*.

Такъ или иначе, подчинивъ адвокатуру *такой регламентации, какой не подчиняется ни одна изъ свободныхъ профессій*, и установивъ *нравственный цензъ* ея

нѣсколько строже, чѣмъ *нормальный цензъ* государственныхъ должностей (чиновникъ назначается въ должность личнымъ усмотрѣніемъ его начальства, а адвокатъ нуждается въ одобреніи коллегіальнаго собранія судей),—Законодатель призналъ *важное государственное значеніе адвокатуры* и общимъ смысломъ учрежденія судебныхъ установленій отчасти обезпечилъ ея свободу и независимость отъ произвола судей въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ адвоката. Признавъ неподлежащими обжалованію постановленія судебныхъ мѣстъ объ отказѣ принять въ повѣренныя по нравственнымъ качествамъ просителя, т. е. по неформальнымъ причинамъ, Законодатель учрежденія суд. уст. хотя и отнесъ дѣла этого рода къ вѣдѣнію распорядительныхъ, а не публичныхъ судебныхъ засѣданій, но, все-таки, не устранилъ общаго надзора высшихъ судебныхъ мѣстъ за низшими и по дѣламъ о правѣ адвокатуры. Если же и такіе вопросы конфиденціального свойства, какъ вопросъ о вступленіи въ корпорацію адвокатовъ и о привилегіи заниматься адвокатурой, Законодатель не предоставилъ неограниченному произволу даже высокопоставленныхъ и компетентныхъ лицъ, какъ судьи, то и отсюда видно, насколько Законодатель поставилъ судей вообще *подзаконными*.

Такъ выразился б. товарищъ предсѣдателя с.-петербургскаго окружного суда г. Камышанскій въ его сильной и содержательной, но не модной рѣчи къ присяжнымъ засѣдателямъ по *дѣлу Семенова*, вызвавшей оживленную, но голословную и пристрастную критику въ юридической печати, поверхностность и односторонность которой объясняется тѣмъ, что рѣчь г. К. по боевому вопросу о власти присяжныхъ засѣ-

дателей, и какъ протестъ противъ деморализаціи адвокатуры,—выходить изъ шаблона: она не проникнута ложнымъ либерализмомъ, отрицаніемъ всѣхъ убѣжденій; она требуетъ уваженія къ закону, не только когда имъ можно играть, но и тогда, когда ему слѣдуетъ подчиняться.

И не вина Законодателя, если онъ не предупредилъ печальныхъ уклоненій отъ идеала, въ родѣ того, что, пользуясь дискреціонною властью нѣкоторыхъ судей въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ кандидатовъ въ повѣренныя, вмѣсто нравственныхъ, безнравственные попадали въ повѣренныя, и, напр., въ богатѣйшей и населеннѣйшей части имперіи—юго-западномъ краѣ—свидѣтельства на званіе частныхъ повѣренныхъ при мировыхъ сѣздахъ еще недавно приобрѣтались за взятки лицами, которыя здравствуютъ и сегодня и «направляютъ мнѣнія судей».

Общая стройность системы судебныхъ уставовъ Императора Александра II, въ основѣ которыхъ два вѣчныхъ, неизмѣняемыхъ двигателя—*гласность и самостоятельность*—и обеспечиваемый ими дѣятельный контроль высшихъ судовъ надъ низшими, залогъ прогресса, не нарушается тѣмъ, что адвокатура, кромѣ власти закона, нѣсколько подчинена суду въ оцѣнкѣ ея личныхъ достоинствъ, ибо такая же оцѣнка личныхъ достоинствъ самихъ судей предоставлена учрежденіемъ судебныхъ установленій высшимъ судьямъ—сенаторамъ и министру. Равновѣсіе двигающихъ судебную машину силъ не страдаетъ отъ того, если судьи не принимаютъ въ повѣренныя и исключаютъ изъ состава повѣренныхъ полезныхъ дѣятелей, когда и сами судьи подвергаются (по теоріи судебныхъ уставовъ) вычету изъ жалованья, перемѣщенію съ высшей долж-

ности на низшую и увольненію, если дѣятельность ихъ вредна. Таковъ идеаль Законодателя, а средства его достиженія оправдываются *единствомъ авторитета*, т. е. власти надзора надъ судьями и адвокатами. Въ этомъ смыслѣ власть совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ представляетъ меньше гарантій, чѣмъ такая же дисциплинарная власть суда, ибо по отношенію къ совѣту хотя и существуетъ инстанціонная власть судебной палаты, но не существуетъ никакой *дискреціонной власти, необходимой для прочности политическихъ учрежденій*.

Но для усвоенія великихъ преобразованій Александра II, притомъ пересаженныхъ съ культурной почвы запада на дикую почву Россіи, надо обезпечить имъ большую неприкосновенность отъ недобросовѣстныхъ посягательствъ, отъ вторженія желудочныхъ интересовъ; надо уважать громаднй трудъ Законодателя и, внося законодательныя поправки, не допускать произвольныхъ поправокъ и софистическихъ толкованій, чѣмъ, въ концѣ концовъ, обезображивается стройное зданіе судебныхъ уставовъ. Не слѣдуетъ заслонять его грязными постройками, содержимое которыхъ: «легкомысленная шалость» повѣреннаго, растратившаго вѣренныя ему деньги, «естественная надобность» украсть, совершить подлогъ, «вина слѣдственной власти», не во время обнаружившей растрату, какъ причина банковаго краха, «галчата-дѣти», которыя останутся отъ «разореннаго гнѣзда» подсудимаго, если его не оправдать, и т. п. унижающій присяжную адвокатуру вздоръ, удачно осмѣянный г. оберъ-прокуроромъ Щегловитовымъ въ извѣстной его рѣчи по дѣлу Семенова въ сенатѣ.

Ничтожное дѣло С., исторія котораго и сопро-